

стом, определяя тем самым торжественный, парадный облик кодекса, несовместимый с суетностью быстрого чтения, предназначенный для неспешного просмотра, знакомства.

Такой характер рукописи определил и тщательность подготовки текста,²⁰ основанного на базе нескольких значительных официальных летописей и проникнутого комплексом важнейших для его создателей идей.²¹ Одной из них была идея «самодержавства», освященная в глазах современников успехами восточной политики. Присоединение Казани и Астрахани осуществлено молодым Иваном Грозным, а создатели Лицевого свода были свидетелями последней схватки государя с удельным князем. Видимо, не случайно они утверждали на листах Царственной книги (один из последних томов Лицевого свода), что Андрей Иванович Старицкий отказался от «Казанского дела», «а сказался болен» и в то же время посылал грамоты детям боярским и помещикам, в которых призывал «их къ себе служить».²² Не здесь ли искать причину включения столь назидательного рассказа, как повествование о трагическом походе Ольговичей, завистливых и кичливых и потому наведших «гнев божий на Русския воя».

²⁰ Почти полтора века назад Д. В. Поленов отмечал, что Лицевой свод — «лучшая летопись из предыдущих», он полнее и более точно исправлен (Д. В. Поленов. Библиографическое обозрение русских летописей. СПб., 1850, с. 28—42).

²¹ Об этом подробнее см.: О. И. Подобедова. Миниатюры... с. 114 и след.

²² ПСРЛ, т. XIII, с. 429, 430.